0-778740

На правах рукописи

СУЛЕЙМАНОВА
Мариям Абдулхакимовна

СПЕЦИФИКА ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИАЛОГЕ (М. ЦВЕТАЕВА И Б. ПАСТЕРНАК)

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Махачкала – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Научный руководитель - кандидат филологических наук профессор **Геллер Элеонора Семеновна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор **Алиева Гюльнара Низамовна** ГОУ ВПО «Дагестанский государственный технический университет»;
кандидат филологических наук доцент **Османова Тамара Андреевна** ГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Ведущая организация - Дагестанский институт повышения квалификации педагогических кадров

Защита состоится «18» июня 2009г., в 14^{00} часов, на заседании диссертационного совета Д 212.051.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Дагестанском государственном педагогическом университете по адресу: 367003, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ауд. № 140 (4 этаж).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Дагестанского государственного педагогического университета по адресу: 367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57.

Автореферат диссертации разослан и размещен на сайте ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» «18» мая 2009 г. Адрес сайта:

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ
0000528828

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук Гаджиев Э.Н Гаджиев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования состоит в том, что уже первый этап разработки проблемы «языковая личность» свидетельствует о переходе от лингвистики «имманентной», структурной к лингвистике антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с человеком. Анализ понятия «языковая личность» сегодня проводится с опорой на исследование различных типов индивидуальных личностей. В русистике последних лет анализируются, обобщаются и систематизируются наиболее существенные концепции проблемы «язык и культура» (В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина). Нами предпринята попытка расширить представление об исследуемой проблеме в «языковом ракурсе». Понятие «языковая личность» может изучаться в двух направлениях: языковая личность носителя определенного типа речевой культуры и языковая личность отдельно взятого человека.

Носитель элитарной речевой культуры является самым высоким типом языковых личностей, наиболее полно и творчески владеющих всеми богатствами родного языка (О.Б. Сиротинина). У носителя элитарной речевой культуры «свой» набор идеальных ценностей, обусловленный как принадлежностью к определенному типу речевой культуры, так и индивидуальными особенностями. М. Цветаева и Б. Пастернак воплощают в себе определенный тип национального характера – тип талантливого русского интеллигента.

Актуальность исследования обусловлена и проявлением качеств элитарной языковой личности в эпистолярном тексте, которые требуют особого внимания. Недостаточно изучены эпистолярные тексты как в русле лингвистики в целом, так и в русле стилистики в частности. Переписка М. Цветаевой и Б. Пастернака – это роман-диалог в письмах. Подобного рода эпистолярии принадлежат именно носителям элитарной речевой культуры.

Степень изученности темы. Новые подходы к исследованию эпистолярных текстов в последние десятилетия явились производными развития лингвистики в целом. Внимание к человеческому фактору в языке в последней четверти XX века вызвало интерес к коммуникативно-прагматическим аспектам использования языка (А. Вежбицкая, Т.Г. Винокур, Т.М. Дридзе, Е.А. Земская, Г.А. Золотова, Ю.Н. Караулов, Л.А.Крысин, О.А. Лаптева, Е.В. Падучева, О.Б. Сиротинина, ЛА. Шкатова и др.).

Коммуникативная лингвистика сделала центром внимания взаимодействие текста с личностью коммуниканта в конкретных условиях общения. Появился ряд исследований на материале русского и других языков, в которых письмо рассматривалось как коммуникативный акт (Н.И. Белунова, З.М. Данкер, Л.В. Нижникова, Н.А. Ковалева, О.Н. Седова, О.Ф. Цыцарина).

Объект исследования - язык опубликованной переписки выдающихся поэтов XX века М.Цветаевой и Б.Пастернака.

Предметом исследования являются языковые единицы в структуре эпистолярного текста, реализующие языковые особенности конкретных носителей элитарной речевой культуры, а также их автоопределения природы поэтического творчества.

Цель диссертационной работы – показать, что при обмене письмами как реальном процессе общения в эпистолярном тексте (в отличие от других текстов) всегда реализуются контактоустанавливающая функция с адресатом

и определенные межличностные отношения, проявляются специфические качества идиостиля того и другого поэта, характерные для их поэзии и прозы, а также осознание ими поэтического творчества как лингвистами (как своего, так и других поэтов).

В соответствии с поставленной целью исследования определяются следующие **задачи:**

1. Уточнив содержание термина «эпистолярный текст», исследовать и описать языковые средства и способы реализации контактоустанавливающей функции в эпистолярных текстах.

2. Проанализировать реализацию научного подхода к метатексту, представленному обоими поэтами в эпистолярной прозе и выражающему их отношение к поэтическому мышлению, поэтическому тексту.

3. Выявить лингвистические особенности эпистоляриев М.Цветаевой и Б.Пастернака как элитарных языковых личностей.

Характер цели и задач, специфика исследуемого материала определили **методы и приемы** исследования. Это, прежде всего метод непосредственного наблюдения, поставляющий материал для дальнейшего системного исследования. Основной лингвистический метод - описательно-аналитический, используется также контекстуальный анализ, предполагающий интерпретацию языковых фактов, имеют место и методика сравнения, сопоставления и интерпретации, а также языковедческие теории о металингвистической функции языка, о связи языка и мышления.

Материалом исследования послужила переписка М. Цветаевой и Б. Пастернака (30 писем) (на 506 страницах). Переписка Бориса Пастернака. М.: Художественная литература, 1990.

Научная новизна исследования заключается в обосновании реализации контактоустанавливающей функции, которая является обязательной для общения как процесса и не реализуется в текстах.

М. Цветаева и Б. Пастернак представлены в диссертационном исследовании прежде всего как носители элитарной речевой культуры, выражающие собой самый высокий тип языковой личности. В работе предпринята попытка рассмотрения автоопределений М. Цветаевой и Б. Пастернака как способа выражения принципа мышления поэтов в эпистолярном дискурсе; выявляются функции автоопределений, являющихся текстообразующим элементом эпистолярия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эпистолярные тексты представляют собой специфическую форму общения, дифференциальным признаком которой является реализация контактоустанавливающей функции. В эпистоляриях М. Цветаевой и Б. Пастернака она представлена этикетными формулами и вводноконтактными единицами, характеризующими межличностные неофициальные отношения .

2. Именно в эпистолярном тексте с неофициальными отношениями эта функция влияет на композиционно-речевую структуру и языковое оформление текста.

3. В плане антрополингвистики, создающей портреты языковых личностей, рассматриваются в качестве объекта изучения личности неординарные, внесшие неоценимый незаменимый вклад в развитие культуры: это элитар-

Казанский государственный университет
ЗОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.И. Лобачевского

ные языковые личности, речевое поведение которых характеризуется творческим отношением к языку.

4. Идиостиль частной переписки выступает отражением и выражением индивидуальных особенностей языковой личности. Письма выдающихся деятелей литературы, культуры заслуживают детального анализа для реконструкции и описания своеобразия их языковых личностей. Эпистолярии М. Цветаевой и Б. Пастернака представляют интерес в качестве материала для антропоцентрического исследования.

5. Одной из важнейших характеристик элитарной языковой личности М. Цветаевой и Б. Пастернака выступает лингвокреативность, которая проявляется:

в творческом использовании стереотипов речевых жанров; гармоничной трансформации поэтической манеры обоих поэтов в их эпистолярной прозе;

в творческом подходе к соотношению элементов художественного и научного стилей.

6. Метатексты, представляющие автоопределения М. Цветаевой и Б. Пастернака, являются одним из важных лингвистических средств регулятивности в эпистолярную прозу как М. Цветаевой, так и Б. Пастернака. Они отражают мировоззрение обоих поэтов, их индивидуально-личностные приоритеты, интеллектуальный и художественный потенциалы.

7. Различная структура и объем знания двух поэтов о природе поэзии или явлений действительности я - причины разнообразия типов метатекстов.

8. В эпистолярных текстах эти автоопределения выполняют функции, обусловленные речемыслительными действиями поэтов.

Теоретическая значимость работы определяется тем вкладом, который она вносит в разработку проблемы понимания сущности эпистолярных текстов: эпистолярные тексты - письменная форма общения, и их следует рассматривать как речевые жанры; общим признаком эпистолярных текстов является реализация контактоустанавливающей функции, которая проявляется в эпистолярном тексте и на грамматическом, и на лексическом, и на прагматическом уровнях. Также теоретическая значимость исследования состоит в разработке метатекстов, дающих автоопределения поэтами природы поэтического мышления, поэтической номинации, поэтами, выступающими в своих эпистоляриях как лингвисты, литературоведы, критики.

Практическая ценность исследования состоит в выявлении закономерностей организации эпистолярного текста, преследующих цели повышения эффективности межличностной коммуникации, наилучшего выражения смыслового и коммуникативного содержания общения и адекватного его понимания адресатом, а также воздействие на последнего. Исследование имеет выход как в обучение межличностному общению, так и в теорию общения, теорию жанров, теорию общей риторики и культуры речи. Практическая ценность заключается и в том, что результаты исследования могут быть использованы для разработки спецкурсов и спецсеминаров по лингвистическому анализу художественного текста для студентов-филологов, а также в лингвистических работах, посвященных исследованию текстов как Цветаевой и Пастернака, так и других поэтов, при разработке тематики курсовых и дипломных работ.

Апробация исследования. Материалы исследования обсуждались на заседании кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета, представлены в виде докладов на научно-практических, теоретических и научно-методических конференциях: «Коммуникативно-прагматическая лингвистика». Махачкала, 2005; «Языковые и культурные контакты различных народов». Пенза, 2005; «Проблемы прикладной лингвистики». Пенза, 2005; «Проблемы славянской культуры и цивилизации». Уссурийск, 2007. Основные положения работы изложены в 7 публикациях.

Структура и объем работы определяются особенностями предмета и логики исследования. Текст диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обусловлены актуальность темы диссертации и выбор объекта исследования, сформулированы цель и задачи работы, показаны научная новизна, практическая и теоретическая ценность ее результатов. Здесь же содержится обзор литературы, необходимый для определения основных понятий, используемых в работе (элитарная личность, эпистолярный текст, идиостиль, метатекст).

В первой главе «Элитарная языковая личность поэта в эпистолярном тексте» определяется статус элитарной языковой личности. Темой **первого раздела** этой главы являются категории фактора элитарной языковой личности. Словосочетание «языковая личность» стало стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинством исследователей оно оценивается в настоящее время как интегративное, послужившее началом формирования нового этапа в развитии языкознания – антропоцентрической лингвистики. В настоящее время интерес к проблеме языковой личности еще более возрос в связи с активизацией исследований, посвященных изучению личности говорящего индивида в русле таких языковедческих дисциплин, как традиционная лингвистика, лингвопрагматика, лингводидактика, психолингвистика, социолингвистика и исследования художественного творчества. А это повлекло за собой следующий шаг – исследование языкового фактора в человеке - как культурно-языковая картина мира воздействует на человека, формируя его сознание, а вместе с ним и культурно-национальное самосознание, его мировоззрение и миропонимание (Ю.М. Лотман, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, В.Н. Телия и др.).

К элитарному типу речевой культуры, выделяемому в сфере действия русского литературного языка, относится личность творческая, думающая, которая обладает высоким уровнем языковой и коммуникативной компетенции. Понятие «языковая личность понимается при этом как «многослойный», многокомпонентный, структурно-упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов и др.).

«Язык писателей» и сейчас выделяется как один (и самый важный) из авторитетных источников языковой нормы. Но культурная речь интересовала

исследователей не только в плане языковой правильности, но и в плане стилистического преломления (критерий языкового мастерства).

Анализ языковой личности конкретного носителя элитарного типа речевой культуры (в нашей работе это Б. Пастернак и М. Цветаева) – это всегда открытие не только на уровне личностном, индивидуальном, творческом, но и разработка обобщенного теоретического образца эффективной языковой личности. Практика общения показывает, что наибольшее количество как ситуативно-постоянных, так и ситуативно-переменных речевых ролей свойственно интеллигенции.

К факторам, участвующим в становлении русской языковой личности носителя элитарной речевой культуры, следует отнести семью, место рождения, природный интеллект, среду проживания, полученное воспитание, раннее приобщение к книге, т.е. к самостоятельному чтению классических прецедентных текстов, в том числе поэтических, хорошее образование, высокий профессионализм, обширную и разнообразную речевую деятельность.

Во втором разделе рассматривается понятие «эпистолярный жанр». Совокупность эпистолярных текстов образует отдельную категорию, самое распространенное название которой – эпистолярный жанр.

Эпистолярии элитарной языковой личности воспринимаются прежде всего как блистательные литературные произведения, поскольку писатели и относились к ним как к литературным произведениям. Послание выполняет две функции – информативную и коммуникативную: адресант должен, во-первых, отобрать материал, во-вторых, соотнести его с личностью адресата. «Представляется совершенно естественным, что адресант и адресат обладают полностью идентичной кодовой природой» (Ю.М. Лотман). Наличие кода определяет такие специфические черты письма, как недоговоренность, фрагментарность, намеки. Как правило, автор письма не покидает почвы реальных фактов, но как художник, если автор письма литератор, – он создает целостный образ действительности. Чаще всего лингвисты называют письмо одним из особых видов художественно-документальных жанров. Находясь на грани документа и искусства, эпистолярные тексты вбирают в себя их черты. Будучи бытовым жанром, письмо литератора всегда существует на границе и во взаимодействии с современной литературно-художественной средой. Письмо – один из жанров, помогающий установить взаимообратную связь между читателем и автором, перекинуть мостик с «двусторонним движением» фактов, мыслей, эмоций. В этом – одна из главных причин популярности данного жанра в литературе всех времен и народов и, в частности, в русской литературе XX столетия. Относительно переписки Б. Пастернака и М. Цветаевой можно сказать, что их письма – это и литературный факт, и бытовая, и автобиографическая информация. В них размышления о творчестве и автохарактеристики, разговор об отношениях с жестокой действительностью и признания в любви – разнообразное содержание, отливавшееся в разные формы.

В третьем разделе предлагается рассмотреть один из видов реализации коммуникативной функции языка - фатическую функцию, направленную на привлечение внимания адресата. Исследование этой функции велось в двух параллельных, почти не пересекающихся направлениях, во главе которых стояли Б. Малиновский и Р. Якобсон.

Мы под «собственно фатической речью» будем понимать инвариант речевого поведения, который подразумевает общение как коммуникативное намерение. Вместе с тем, очевидно, что в каждом письме есть информация. Проблема разграничения информатики и фатики остается одной из наименее изученных областей вообще в лингвистике.

Безусловно, письменная форма общения вносит свои коррективы в реализацию фатики: письмо всегда имеет информативный план, вопрос о том, как соотносится в письмах фатика и информатика.

Фатическая интенция в эпистолярном тексте выражается через политематичность писем (что характерно для неофициальной переписки близких людей), посредством антропоцентризма (адресант описывает собственные поступки, действия, принимаемые им решения, высказывает собственные мнения, дает оценки событиям, людям; содержание эпистолярных текстов можно сформулировать как «я и событие» или «событие в моей жизни) (Т.В. Матвеева). Другая особенность эпистолярия – выбор темы обусловлен ситуацией общения, которая предшествовала переписке, или под влиянием полученного письма; и, наконец, антропоцентризм эпистолярных текстов проявляется и в особой эмоционально-оценочной тональности. Оценка выражает личные мнения и вкус адресанта и в этом смысле является показателем самораскрытия личности, порождает отношения доверительности, близости к адресату.

В четвертом разделе анализируется взаимосвязь личности и эпистолярного жанра. Современная антропоцентрическая лингвистика видит в тексте прежде всего проявления человека во всех сторонах его бытия – социального и психологического, индивидуального и типового, учебного и профессионального и т.п. За интересом к тексту просматривается интерес к проблеме языковой личности, поскольку «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности (Ю.Н. Караулов).

Применительно к нашему материалу исследования эпистолярный диалог возможен лишь в том случае, если исходные представления о мире и окружающей действительности, данные в разных аспектах (психосоциальные, этические стереотипы сознания), у них пересекаются. Необходимо «пересечение» фрагментов тезаурусов языковых личностей автора и адресатов для их успешного взаимодействия. Этот момент мы отмечаем в письмах обоих поэтов.

Языковая личность, прежде всего элитарная языковая личность, изучается исследователями через совокупность созданных ею текстов. Дискурс носителя элитарной речевой культуры, содержащий богатый языковой материал, свидетельствует о богатстве личного жизненного и профессионального опыта, сумме знаний, способности к речетворчеству, эрудиции и изысканности языкового вкуса, высокой культуре, таланте говорящего.

М. Цветаева (в качестве таковой личности) – это писатель внутреннего жеста, ее эпистолярная проза, в сущности, демонстрирует все те же особенности ее поэзии, что и стихи. Эмоциональная напряженность доводится ею до поэтического взрыва, срыва. Ее эпистолярии – это речевые подскоки, в промежутках от выдоха до вдоха. Цветаева склонна отождествлять три родственные категории – душу, язык, поэзию. Сущность поэтической номинации, по Цветаевой, заключается в службе языковой и духовной.

Исследователь творчества М. Цветаевой А. Саакянц пишет: «Ничто так не характеризует Цветаеву-человека, как ее письма. Даже если на одну чашу весов положить всю ее поэзию и прозу, а на другую – только письма, вторая чаша, по-моему, перевесит» (А. Саакянц). Письма ее яркие, экспрессивные, эмоционально насыщенные не только в стихах, но и в большой прозе, в частности и в эпистолярной.

Письма Пастернака позволяют с максимальной полнотой понять психологию поэта, много определяющую и в его личной жизни, и в его творчестве. Его письма 20-30-х годов – многословные, захлебывающиеся, с размышлениями о революции, письма исповеди, адресованные М. Цветаевой. Эпистолярная манера Б.Пастернака эволюционирует параллельно его поэтическим поискам. Ранние письма (подростковые, юношеские, предреволюционных лет) помогают проследить, как формируется перифрастический – в широком понимании термина – стиль Б.Пастернака, мастера загадок, уклонений и шарад, не называющего чувства и ощущения прямо.

Язык переписки двух носителей элитарной речевой культуры несет на себе «отпечаток» особенностей их языковых личностей и значительно отличается от переписки одного из них с другим лицом.

У Пастернака словесные новаторства (в том числе и эпистолярии) не обращены к широкой аудитории, а наоборот подчинены личной, сугубо импрессионистической манере передавать то или иное состояние собственной души, пользуясь при этом крайне субъективной системой образных или речевых ассоциаций.

У Марины Цветаевой совсем иной характер познания мира. Ее образная система, отраженная очень яркой в эпистолярной прозе, много сложнее, хотя бы потому, что теснейшим образом, органически сплетена с дыханием всего ее поэтического существа. Ее фраза в этих текстах предельно эмоциональна, целиком подчинена интонационному строю, необычайно гибкому, выразительному и многообразному.

Во второй главе «Репрезентация языковой личности в коммуникативном пространстве эпистолярия» рассматриваются фатическая функция как функция установления межличностных отношений, контактоустанавливающая значимость обращения, «антропоцентрическая» парадигма.

В первом разделе показана роль обращения в письмах обоих поэтов. Обращение занимает одно из ведущих мест в коммуникации адресата и адресанта: глубоко индивидуальная сущность автора проявляется во всем содержании и словесном оформлении любого письма, но общую тональность задает обычно обращение, которое отражает социально-этикетную сторону речи и отношения между участниками коммуникации [Глинкина Л.А. 1987].

Как уже говорилось выше, обращение используется в эпистолярном тексте как речевая настройка, как фатическое начало в контактной рамке (начало, концовка письма).

Обращение или вводится внутрь предложения, или непосредственно сопровождает его – открывает предложение или заключает его собой:

Дорогой Борис Леонидович. Пишу Вам среди белого дня, переборов соблазн ночного часа и первого разбега. Теперь слушайте: мы с Вами сидели рядом в 1918 году за ужином у Цетлинов...» (М. Цветаева, 1922)..

Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественно родное, предназначенье, утренняя, дымящаяся душа моя, Марина (Б. Пастернак, 1924).

В данном примере основная функция обращения – коммуникативная настройка на то, к кому пишется письмо, пронизана экспрессией, что возможно только в письмах близких людей..

В эпистолярном тексте встречаются следующие вводно-контактные средства:

1. Структуры, которые синтаксически определяются как определенно-личные односоставные предложения, представленные формами глагольного императива второго лица единственного и множественного числа типа «послушай», «подумай(те)».

Сумейте, наконец, быть тем, кому это нужно слышать, тем бездонным чанам, ничего не задерживающим (читайте внимательно!!!) (М. Цветаева, 1923).

Оглянись, вдумайся в свое, только в то, что кругом тебя ... осмотрись и в этом огляде почерпни толчок для ответа. И отвечай тотчас же (Б. Пастернак, 1926).

Адресатные обращения обычно выражены оценочными прилагательными, притяжательными местоимениями, эмоционально-оценочными существительными (что мы наблюдали в приведенных выше примерах), которые используются в неофициальной обстановке и рассчитаны на интимизацию общения.

2. Отношение между адресатами (официальные / неофициальные), заданные контактной рамкой, влияют на выбор способа оформления этикетных ситуаций: поздравления, благодарности, просьбы:

а) благодарность в неофициальных письмах:

Благодарю и верю. Как трудно писать! Сколько его накатывало и расходовалось эту неделю. Ты указала берега. О насколько я твой, Марина! (Б. Пастернак, 1926).

б) просьбы в неофициальных письмах:

Святополк говорит, что мы разные. Прочти. Неужели разные. Если ты с чем-нибудь не согласна, что захочешь спорить, приведи задевшее место целиком, а то не буду знать, о чем говоришь (Б. Пастернак, 1926).

Во втором разделе выявляется фатическая функция информационных блоков в серединной части эпистолярного текста. Наиболее регулярными являются следующие модели:

а) Предлог о + существительное в предложном падеже (в неофициальных эпистолярных текстах), возникает ощущение пропуска глаголов «расскажу», «напишу», требующих существительное в предложном падеже:

Теперь о книге вплотную. Сначала наилюбимейшие цельные стихи (М. Цветаева, 1923).

О Rilke, куске нашей жизни, о человеке, приглашающем нас с тобой в Альпы будущим летом, – потом в другом письме (Б. Пастернак, 1926)

б) Особый интерес представляет выделение темы словом-предложением «Да!», которое имеет семантику неожиданности, спонтанности, дополнения, а следовательно, обнаруживает неподготовленность письма:

Да! Доехал ли Эренбург? Довез ли? Посылаю тебе еще тетрадку, для стихов (М. Цветаева, 1926).

в) Что касается + родительный падеж существительного + то + компоненты любой структурной схемы с возможными распространителями:

Таковы и наши судьбы, неподвижные, недолговечные, зависимые от темной и величественной исторической исключительности... Однако о чем я разговорился. Что касается поэзии и поэта, иными словами особого в каждом случае преломления света европейской всеобщности, то есть множества слитых воедино судеб безымянных современников, – что касается поэзии, все остается по-прежнему (Б. Пастернак, 1926).

г) Именительный падеж существительного.

Моя проза: пойми, пишу для заработка: чтения вслух, то есть усиленно-членораздельного и пояснительного (М. Цветаева, 1926).

Вот он твой ответ. Странно, что он не фосфоресцирует ночью (Б. Пастернак, 1926).

д) Предлог относительно + существительное в родительном падеже:

Я твоей просьбы относительно Надежды Александровны еще не исполнил (Б. Пастернак, 1926).

Таким образом, мы видим, что начало, конец, тематические блоки четко выделены фатическими маркерами, которые обозначают тип отношений адресантов.

В третьем разделе аргументируется антропоцентризм эпистолярных текстов. Под антропоцентризмом вслед за Г.А. Золотовой, мы понимаем следующее: «наличие в предложении, содержащем ту или иную информацию об объективной действительности, второго структурно-семантического компонента, указывающего на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» (Г.А.Золотова).

Антропоцентризм проявляется в эпистолярном тексте уже на уровне темы, проходящей через весь текст. Адресант описывает собственные поступки, действия, принимаемые им решения, высказывает собственные мнения, дает оценки событиям, лицам, в том числе и самому себе.

Не менее ярким «представителем прагматического значения» являются эмоции, под которыми мы, вслед за Т.В. Матвеевой, понимаем такую текстовую категорию, в которой находит отражение психологическая установка автора текста (Т.В. Матвеева).

Оценка выражается лексемами соответствующей семантики:

Вы – не ребенок, дорогой, золотой, несравненный поэт (Б. Пастернак, 1922).

Люблю тебя, ярмарка, ослиные таратайки. Я так скучаю по тебе, очно видела тебя только вчера (М. Цветаева, 1926).

Число оценок увеличивается благодаря специальным синтаксическим единицам, называемым коммуникативами, которые, по В.Н. Шаронову (1996), представляют собой чисто речевое явление, и их существование в эпистолярном тексте показывает, что текст переписки – это общение. Явно выраженная интенция является ярким признаком речевого поведения и становится в эпистолярном тексте одним из текстообразующих факторов эпистолярного жанра.

Классификация, предложенная Т.Н. Кабановой, используется нами при анализе материала.

Исходя из нее, все коммуникативы подразделяются на четыре интенциональных класса, в каждом из которых выделяются интенциональные ряды:

1. Эмоциональный – радость, недовольство, удивление, восклицание, огорчение, возмущение.
2. Ментальный – подтверждение, возражение, угроза и т.д.
3. Этикетный – извинение, признание, благодарность, осуждение и т.д.
4. Побудительный – просьба, требование, уговаривание и т.д.

1. Эмоциональный класс (Примеры единиц в рядах приведены из писем М. Цветаевой и Б. Пастернака).

Интенциональный ряд «радость»:

Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. Здесь очень хорошо жить.

Так вольно, так прирожденно, так обогащающее ясно. Так с руки это душе, ничего нет лучше, легче!

2. Ментальный класс: представлен рядами «подтверждение, возражение, осуждение, сожаление, признание»

О Господи! Чем я виновата, что он прочел мои стихи!

Пора, давно пора за нее! (за работу).

3.Этикетный класс, представленный разделами «приветствие», «прощание», «благодарность» в письмах М. Цветаевой и Б. Пастернака, особого интереса не представляет и выглядит порой несколько ординарно.

4.Побудительный интенциональный класс встречается крайне редко и представлен единичными случаями. Полагаем, что подобные коммуникативы тесно связаны с воздействием на адресата, побуждают его к немедленной реакции.

Таким образом, антропоцентризм эпистолярных текстов Цветаевой и Пастернака обнаруживается в насыщенности многообразными эмоционально-оценочными конструкциями. Антропоцентризм вербализуется в письмах с неофициальными отношениями друг – друг (близкие).

В четвертом разделе представлены автоопределения поэтического текста, данные самими поэтами М. Цветаевой и Б. Пастернаком. В эпистоляриях М.Цветаевой и Б. Пастернака отражаются их взгляды как на языковые особенности собственного творчества, так и на творчество других поэтов. В их основе лежит синкретизм, реализуемый в том, что в письмах как Цветаевой, так и Пастернака взаимодействуют и художественный, и научный подходы. Это объясняет и присутствие в эпистолярных текстах научного языка, что позволяет говорить о них как об особой научной отрасли. Функции метаязыка поэтов обусловлены также антропоцентрической сущностью эпистолярных текстов и М. Цветаевой, и Б. Пастернака (способы и средства выражения, позволяющие пишущему обнаружить себя в эпистолярных текстах).

В данном случае под антропоцентрической сущностью понимаются те качества индивида, которые проявляются в конкретном акте запроса информации. Создавая речевое событие, коммуникант отталкивается от своих знаний о положении вещей в мире, от своих интересов, целей, желаний, от своего отношения к собеседнику, поэтому считаем целесообразным применение термина «антропоцентрическая» при определении данного «человеческого» компонента дискурса.

Сосуществование в их эпистоляриях названных двух подходов подчеркивается и тем, что оба поэта – носители элитарной речевой культуры. Присутствие научного языка в эпистолярных текстах определяет как лингвистические понятия, так и понятия, выражающие авторский взгляд на окружающую его действительность.

На наш взгляд, метаязык в эпистоляриях поэтов следует рассматривать как текстовые структуры, стимулирующие познавательную деятельность читателя.

Сам метатекст выполняет различные функции, работающие на создание текстового произведения. Текстообразующие потенции метаязыка создаются посредсвом следующих функций:

1. **Функция аргументации.** В процессе создания эпистолярного текста М. Цветаева и Б. Пастернак высказывают собственное мнение, для подтверждения которого они часто опираются на метатекст. Например:

Вы – явление природы. Сейчас объясню почему. Проверяю на себе: никогда ничего не беру из вторых рук, а люди – это вторые руки, поэты - третьи. Стало быть, Вы не человек и не поэт, а явление природы (Цветаева, 11/II.1923 г.).

В данном примере ключевой синтаксической единицей является простое нераспространенное предложение, чья лаконичность уже создает условия для текстообразования за счет необходимости определения, что и имеет место в данном фрагменте.

Она (Эльза Триоле – М.С.) мне читала свою прозу, и я ее хвалил, где она этого заслуживала. Она не без способностей, но я сказал ей, что писателя и текст создает третье измерение – глубина, которая подымает сказанное и показанное вертикально над страницей, и что важнее – отделяет книгу от автора. Я сказал ей, что этого у нее нет и что это верно приходит с работой
(Б. Пастернак, 20/IV.1926).

Ядром высказывания здесь становится фраза, ключевая фраза: «я сказал ей, что писателя и текст создает третье измерение – глубина, которая подымает сказанное и показанное вертикально над страницей». Ее можно назвать средством организации движения текста, поскольку далее на протяжении почти двух страниц текста Б. Пастернак развивает аргумент о том, как должен возникать текст и как создает его писатель.

2. **Функция дифференциации понятий.** Дифференциация понятий необходима для разграничения близких по смыслу или связанных между собой понятий:

Пастернак, чтобы не было ни ошибки, ни лжи: люди – вторые руки, но: народы, некоторые, в очень раннем детстве, дети и поэты – без стихов, это первые руки! Вы – поэт без стихов, то есть так любят, так горят и так жгут – только не пишущие, пишущие раз, – восьмистишие за жизнь, не ремесленники (пусть гении) пера» (Цветаева, 11/II.1923 г.).

Данная функция метатекстов обладает солидным текстообразующим потенциалом, поскольку нацелена на выявление различных точек зрения на природу поэзии, разграничение поэтических понятий и т.д.

Перед нелюбимое слово «первый поэт» заскакиваю, чтобы заслонить тебя от него. Ты – большой поэт. Это загадочнее, превратнее, больше «пер-

вого». Большой поэт – сердце и субъект поколенья. Первый поэт – объект дивованья журналов и даже... журналистов. Мне защищаться и не приходится. Для меня, в моем случае – первый, но тоже и большой как ты, то есть таимый и отогреваемый на груди поколеньем, как Пушкин между Баратынским и Языковым – Маяковским (Б. Пастернак, 23/V.1926).

Этот пример наиболее пространно демонстрирует также функцию дифференциации понятий, заложенных в метатексте (первый поэт и большой поэт – М.С.). Здесь более широкое поле соотнесения разных терминов в метаязыке Б. Пастернака.

3. **Функция раскрытия темы.** Под этой функцией, присущей метатексту, понимаются такие речемыслительные действия обоих поэтов, как определение терминов того или иного произведения, характеристика явлений действительности, репрезентация знаний об описываемых объектах. Например:

Но о поэме больше ни слова («Поэма Конца» – М.С.). *Только небольшое замечание об одном выраженьи. Я боюсь, что в своем одинаковом отщепенстве, начавшемся с малых лет, мы с тобой не по-одинаковому отталкивались от последовательно царивших штампов. Слова артист и объективность могли быть оставлены тобой в терминологии кругов, от которых ты бежала. Тогда ты в них слышишь, что они Сивцово-Вражечьи, прокурены, облиты вином и оставлены навсегда за ненужностью на той или другой гостеприимной лестнице (Б. Пастернак, 25/III.1926).*

Содержание концепта «поэтическая терминология» раскрывается ключевыми словами «объективность» и «артист». По мнению Б. Пастернака, эти понятия стали для Цветаевой символом литературных кругов, оставшихся в России – манерных представителей богемного стихотворчества, чуждых ей. В отличие от Цветаевой он термин «объективность» ассоциирует с чем-то «неуловимым, волшебным, редким и в высшей степени известным» ей чувством.

Отвечая на письмо Пастернака о ее прозе, Цветаева замечает, что часть ее тщательности, которую Пастернак называет анализом, вызвана ее сердечностью. Цветаева в этом метатексте, в сущности, говорит об ответственности поэта перед читателями, о тщательности, добросовестности, мастерстве поэта.

Твой чудесный олень с лейтмотивом «естественный» (имеется в виду «Посвящение» – Е.Б. Пастернак и Е.В. Пастернак). Я слышу это слово курсивом, живой укоризной всем, кто ***не.*** *Когда олень рвет листья рогами – это естественно (ветвь – рог – сочтутся). А когда вы с электрическими телами – нет. Лес – мой. Лист – мой. А зеленый лиственный костер над всем (М. Цветаева, 25/V.1926).*

Данный метатекст содержит аллегорию, в которой Цветаевой определяется градация на два рода художественных произведений: эпос и лирику.

4. **Функция связи старого и нового знания** выполняется почти всеми автоопределениями поэтического текста. Это связано с тем, что в любом художественном тексте отражается новое для читателя субъективное авторское мировидение действительности. Эта функция состоит в том, что предшествующее знание в той или иной форме должно быть представлено во вновь порождаемом тексте, иначе он не будет понят:

Таковы и наши судьбы, неподвижные, недолговечные, зависимые от темной и величественной исторической исключительности, трагичные даже в самых мелких и смехотворных проявлениях. Однако о чем я разговорился?

Что касается поэта и поэзии, иными словами особого в каждом случае преломления света европейской всеобщности, то есть множества слитых воедино судеб безымянных современников, – что касается поэзии, все остается по-прежнему. (Б. Пастернак, 12/IV.1926).

Концепт «поэзия» включает и текстовый смысл понятия «счастье», обретенного Пастернаком благодаря тому, что «никогда не забывал о возвышенном трагизме революции».

И естественно, почему. Здесь действуют большие вещи, а не маленький человек. Прекрасна Марсельеза (5 глава в поэме «Лейтенант Шмидт»). Прекрасно все, где его нет. Поэма несется мимо Шмидта, он – тормоз. Почему ты не дал зрительного Шмидта – одни жесты? Зачем тебе понадобился подстрочник? Дай ты Шмидта в действии – просто ряд сцен – ты бы поднял его над действительностью, гнездящейся в его словесности (М. Цветаева, 1/VII.1926).

Этот метатекст можно назвать отрицательной метадефиницией поэмы Пастернака «Лейтенант Шмидт»: *Ты дал человеческого Шмидта, трогательного, но такого безнадежного. Прекрасно все, где его нет. Он – тормоз. Почему ты не дал зрительного Шмидта – одни жесты – почему ты не дал Шмидта «сто слепящих фотографий»* (из стихотворения Пастернака – М.С.), *не дающих разглядеть... да уныние этого лица! Шмидт не герой, но ты герой. Ты, описавший эти письма.* Отличительной чертой таких метадефиниций является наличие в них отрицания «не».

5. **Функция введения или фиксации нового знания**, благодаря которой поэты приводят всем известное значение данного понятия, но и, как итог размышления, вводят в текст свое толкование, которое для читателя всегда является новым:

Лирические стихи (то, что называют) – отдельные мгновения одного движения: движение в прерывности. Помните, в детстве вертящиеся калейдоскопы? Или у Вас такого не было? Тот же жест, но чуть продвинутый: скажем, рука, вправо, чуть правей, еще чуть и т.д. Когда вертишь – движется. Лирика – это линия пунктиром, издалека – целая, черная, а вглядись: сплошь прерывности между... точками – безвоздушное пространство: смерть. И вы от стиха до стиха умираете (М. Цветаева, 14/II.1923).

Общеизвестно, что значит «лирика», «лирические стихи». Однако Цветаева прибавляет к этой дефиниции образное автоопределение: «лирика – это линия пунктиром, издалека – целая, черная, а вглядись: сплошь прерывности между… точками» – эти прерывности, думается, достаточно убедительно изображают чувства человека, которые могут возникать, исчезать и снова возникать. На наш взгляд, следует отметить, что многоточие своим графическим оформлением словно иллюстрирует содержательную значимость мысли Цветаевой относительно лирической поэзии.

6. **Функция представления предшествующего знания:**

Написать дурную вещь – горе неподдельное для нашего брата. Но как сдержать это чувство в разумных границах. И как их определить. Неудачен тем же и весь 905 год (Б. Пастернак, 11/VII.1926).

Данная функция представлена метатекстом, раскрывающим концепт «ответственность поэта», где смысловую нагрузку несут следующие слова,

словосочетания и предложения: «дурная вещь – горе неподдельное для нашего брата; «еще большее горе написать дурную книгу».

Твое письмо – отписка, т.е. написано из высокого духовного приличия, поборовшего тайную неохоту письма... У меня совсем нет чувства, что такое письмо было... Грубость удара я не почувствовала (твоего, «как грубо мы осиротели») (М. Цветаева, 9/II.1927).

Цветаева, сообщая о смерти Райнера Рильке Пастернаку, признается, что не может при всей любви к Маяковскому сопоставлять эти две фигуры и считает это кощунством: «кощунство – давно это установили – иерархическое несоответствие (иными словами, Рильке – высочайший уровень поэзии, который еще не достигнут Маяковским). Здесь в лаконичной форме автоопределение поэзии Цветаевой достигает наивысшего предела.

7. **Функция введения в тему** представляет собой некий двигатель сюжета, развития мысли.

Я четвертый вечер... качу к кому-нибудь, подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти, и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, микеланджеловской раскидистости и толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца. Попала ко мне случайно, реминтонированная; без знаков препинания (Б. Пастернак, 25/III.1926).

Метатекст, пронизанный эмоциями, испытываемыми Б. Пастернаком при чтении «Поэмы Конца», в то же время дает и вполне научное литературоведческое определение этого произведения с позиций необычной «ранящей» лирики, подобной лирике Микеланджело, трактующего красоту, творчество как божественное начало. Это окрашивало его лирические стихи пафосом высокого трагического звучания, с одной стороны; с другой же, на наш взгляд, «толстовская глухота» трактуется Пастернаком как сдержанная лиричность, которая не всегда сразу ощущается читателем, как духовная глухота лирического героя, который, поднимаясь к вершине Горы, перестает понимать другое «я».

Оба поэта в своих автоопределениях поэтического творчества представили единую индивидуально-авторскую художественную картину мира, показавшую процесс глубоко эмоционального философского поэтического познания, номинации и мышления. Цветаева и Пастернак говорят о духовной природе поэзии, поэтического творчества и поэтического текста. Они утверждают антропологический аспект поэтического текста (картина мира), утверждают в качестве поэтической доминанты духовность.

Метатексты, анализируемые в данной работе, показывают то, что оба поэта говорят о поэтическом труде как профессии, как о тайне, которая подлежит разгадке. На наш взгляд, особенно Б. Пастернаку в его автоопределениях присущ академизм, основательность в теоретических исследованиях. Он выступает как стиховед и поэтолог.

Автоопределения Цветаевой фрагментарны и отрывочны. Поэзия, по мысли Цветаевой, явление антроподуховное. Впервые Марина Цветаева вводит в автоопределение поэзии категорию ***правда поэта***.

В третьей главе «Эпистолярные тексты М.Цветаевой и Б.Пастернака – реализация лингвистической креативности элитарной языковой личности» исследуются особенности прозаического языка обоих поэтов, которые дают представление об их идиостилях в целом. **Первый раздел** включает в себя

рассмотрение эпистолярной прозы М. Цветаевой как продолжения ее поэтического языка. Эпистолярное наследие прозы М.Цветаевой составляет особый жанр. О чем бы ни писала она в своих письмах, - неизменным и главным действующим лицом всегда выступала она сама – поэт Марина Цветаева. По своей сущности, по романтическому видению мира эпистолярная проза Цветаевой тесно связана с ее поэзией. Ее фраза предельно эмоциональна, целиком подчинена интонационному строю, необычайно гибкому, выразительному и многообразному. Своеобразный цветаевский ритм - резкий динамичный, обозначаемый тире, позволяет подчеркнуть эмоциональную резкость, внутреннюю энергию слова. Так, например, в письме Б.Пастернаку от 29 июня 1922 г. она пишет:

Вы сказали, что хотите написать роман... - как Бальзак». И я подумала: «Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. – Поэт. Зимой 1919г. встреча на Моховой. Вы несли продавать Соловьева – «потому что в доме совсем нет хлеба. Книги – Хлеб – Человек.

Авторское тире в обоих случаях фиксирует значительную паузу перед заключительными словами. Исключительная смысловая значимость их достигается именно особой организацией ритма. Их особую важность усиливают и парцелляты («Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия»), поскольку они всегда резко акцентированы и рематизированы и в силу этого становятся средством речевой экспрессии.

Примером стихотворной организации в письмах Цветаевой является свойственное ее идиостилю членение высказывания на отдельные слова посредством тире, что способствует активизации ритма, с одной стороны, и усилению значений слов – с другой.:

Я знаю, что ваш род – выше, и мой черед, Борис, руку на сердце, сказать: - О, не вы: это я – пролетарий. – Рильке умер, не позвав ни жены, ни дочери, ни матери. А все – любили (конец октября 1935г.).

В то же время цветаевская эпистолярная проза имеет и отличия от поэзии. Поэт постоянно ищет лаконичные формы, а в письмах она любила распространить, пояснить мысль, повторить ее на разные лады, дать слово в его синонимах, лишний раз втолковать читателю мысль или образ.

А знаете, Пастернак, Вам нужно писать большую вещь. Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь. Вам никого и ничего станет не нужно. Вы ни одного человека не заметите. Вы будете страшно свободны. Ведь Ваше «тяжело» - только оттого, что Вы пытаетесь: вместить в людей, втиснуть в стихи. Разве Вы не понимаете, что это безнадежно, что Вы не протратитесь. (Ваша тайная страсть: протратиться до нитки!) (11 февраля 1923г.).

Эпистолярии М.Цветаевой отражают целостный образ мира, создаваемый поэтом в процессе его духовного развития – языковую картину мира. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира. Например:

«Борис, мне все равно, куда лететь. И может быть в том моя глубокая безнравственность (небожественность)...(22 мая 1926г.); «До чего слово открывает вещь!..» (23 мая 1926г.); «Борис, не люблю интеллигенции, не причисляю себя к ней, сплошь нежнейшей. Люблю дворянство и народ, цветение и корни...» (1 июля1926г.); «Игры – призрак и радость звук. Какую силу,

кстати обретает слово призрак в предшествии звукового, какой силой наделен такой звуковой призрак – думал?» (9 февраля 1927г.).

Представленные примеры демонстрируют оригинальную форму интерпретации, способную заставить читателя взглянуть на вещи по-новому, по мысли «образа автора».

Следует, на наш взгляд, заметить, что, хотя некоторые лингвисты (А.И. Саакянц, Л.В.Зубова и др.) и отмечают в ее эпистоляриях факты распространения, комментирования мысли, что несвойственно Цветаевой – поэту, на ее письмах лежит печать поэта; иными словами, демонстрируются, в сущности, те же самые языковые средства лаконизма: авторское тире (примеры приведены выше), парцелляты, номинативные предложения:

Море – диктатура. Гора – божество. Гора разная. Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора – это мои ноги. Моя точная стоимость (23 мая 1926г.); «Паруса. Хлысты. Пять лет. Уральские камни и хрусталь графа Гарраха» (25 мая 1926г.); «Другая комната, бытовая. Знакомые, близкие. Общий разговор. Один в углу, другой рядом (9 февраля 1927г.) и др.

Доказательством тесной связи поэзии Цветаевой с ее прозой, в частности в эпистолярном жанре, является проявление паронимической аттракции (ПА). Сама природа ПА основана не на случайном, а на очевидном сходстве слов, создающем семантическую аттракцию. В самом происхождении паронимии из звуковых повторов мы имеем дело с рождением смысла из звука. Паронимический контекст должен мотивировать сближение паронимов благодаря образной атмосфере. С помощью паронимии М.Цветаева устанавливает неожиданные связи между близкими и далекими семантическими полями. Ее творчество пронизано паронимией. Эволюция этого лингвистического явления в ее поэзии и прозе отмечается таким образом, что в начале ее творческого пути мы не находим ПА (1908-1916). Далее произведения М. Цветаевой буквально насыщены ПА, ставшей специфической чертой ее идиостиля и нашедшей свое место и в эпистоляриях поэта.

Я переселяюсь, переселилась, унося с собой всю страсть, всю нерастрату, не тенью – обескровленной... а надила бы и опоила весь Аид». (22 мая 1926г.); «Гора разная, Гора умаляется до Мура (умиляясь им)» (23 мая 1926г.); «Не превратить твоего события в собственный случай.» (25 мая 1926г.); «Родной, срывай сердце, наполненное мною. Не мучься. Живи. Не смущайся женой и сыном. Даю тебе полное отпущение от всех и вся» (10 июля 1926г.); «Тот свет, ты только пойми: свет, освещение вещи, однако освещенные светом твоим, моим (1 января 1927г.).

Высокий уровень интимизации текстов писем двух поэтов определяется бесконечным доверием переписывающихся. Это предполагает и высокий уровень взаимопонимания, поэтому часто письма (в данном случае Цветаевой) содержат аллюзии, текстовые реминистенции, собственные имена, апелляции к известным им обоим случаям, языковую игру.

Например: *Задумываюсь о Татьяне Фёдоровне. Ее последний земной воздух. И – толчком: чувство прерванности, не додумываю, ибо занята Т.Ф. – допроводить ее (Цветаева, 29/VI.1922)* – апелляция к известному обоим имени жены композитора Скрябина А.Н., на чьих похоронах они присутствовали.

Ремесло пришлю тотчас же, как получу. Уже писала Геликону. Может быть застанет Вас еще в Берлине (Цветаева, 8/III.1923) – апелляция к Гели-

кону (издатель Цветаевой); *Где будешь летом? Поправился ли Асеев? Не болей (Цветаева, 26/V.1926).*

Следует обратиться и к аллюзиям, используемым Цветаевой в своих письмах:

Я бы Орфею сумела внушить: не оглядывайся! Оборот Орфея – дело рук Эвридики. Оборот Орфея – либо слепость ее любви, невладение ею, либо приказ – обернуться и потерять. ... В Эвридике и Орфее перекличка Маруси с Молодцом – не смейся опять! Сейчас времени нет додумать, но раз сразу пришло – верно. Ах, ясно: Орфей за ней пришел – жить, тот за моей – не жить. Оттого она (я) так рванулась. Будь я Эвридикой, мне было бы ... стыдно – назад» – соотнесение с поэмой Цветаевой «Молодец», а также истории расставания А.А. Тургеневой (женой Андрея Белого) с поэтом с мифологической историей смерти певца Орфея, погибшего оттого, что нарушил обещание, данное царю Аиду, не оборачиваться на свою умершую жену Эвридику до тех пор, пока ее не выведут из царства душ умерших. Эта аллюзия отражает и отношение Цветаевой к данной ситуации, насыщенной глубоким философским смыслом.

У Цветаевой нередко смысл затемняется из-за чрезмерной сжатости изложения. Порой эта усложненность ее языка, когда мысли автора в такой сжатой форме, что они не сразу становятся понятными для восприятия (максимум смысла при минимуме речевых средств), становится неким тормозом для понимания ее произведения). «Книги. – Хлеб. – Человек» (встреча Цветаевой и Пастернак) – предполагает читатель: как эти три понятия взаимосвязаны друг с другом – они определяют друг друга.

Устраненное сказуемое подсказывается семантикой и грамматическими формами наличествующих членов предложения. Такими сказуемыми могут быть глаголы со значением речи, движения:

Иду с Коганом, потом еще с каким-то, и вдруг – рука на рукав – как лапа: Вы.– (т.е. лежит на руке) (29/XI-1922); Перебарывая первую жадность, заглушая радость ропотом слов – расспросы – опущен глагол начались» (Там же); *Вы – в самом начале и никогда не кончите, ибо смертны. Все только намечено – остриями! – и не дав опомниться – дальше,* – читатель домысливает глаголы находитесь, движетесь дальше (Там же).

Во втором разделе представлен анализ своеобразия облика языковой личности Пастернака в зеркале эпистоляриев. Следует отметить, что проза Б. Пастернака (в том числе и эпистолярная), ориентированная на поэтическое творчество, становится специфичной и тем, как она подвергается воздействию преобладающего поэтического элемента и тем, как она высвобождается от него. Его письма к М. Цветаевой – это, в сущности, восторженный рассказ о восхищении, смешанном с любовью, о великолепии и единстве мира. Это центральный инвариант не только его поэзии, но и прозы (эпистолярной).

Прежде всего, это реализуется посредством такого тропа, как эпитет: *Вы – не ребенок, дорогой, золотой, несравненный мой поэт, и, надеюсь, понимаете, что это в наши дни означает... (Пастернак, 14/VI.1922); Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественно родное предназначенье, утренняя, дымящаяся моя душа, Марина» (Пастернак, 14/VI.1924).*

В своих «Заметках о прозе поэта Пастернака» Р.О. Якобсон говорит о «поэзии грамматики», которая сосредоточивает внимание на плане выражения

поэтического и прозаического текстов, т.е. на языковых аспектах. Это значит, что наряду с типовыми предметными ситуациями, описанию в терминах общих задач, диктуемых пастернаковской тематикой, подлежат и языковые пастернакизмы. Имеются в виду наречия, которые можно считать типичными для языка Пастернака. Они отличаются настойчивым употреблением одних и тех же словоформ, густотой синтагматических сочетаний:

О, как я Вас люблю, Марина! Так вольно, так прирожденно, так обогащающе ясно! (Пастернак, 14/VI.1924); Я люблю тебя так сильно, так вполне, что становлюсь вещью в этом чувстве (Пастернак, 25/III.1926).

Особый интерес представляет эпистолярный синтаксис Б. Пастернака. Прежде всего следует отметить многочленные (многокомпонентные, сложные предложения, или многочлены):

И когда я перевел свои попытки с этого стихотворения на «Я расскажу тебе про великий обман», я был также точно Вами отброшен, и когда я перенес их на Версты, и вёрсты, и вёрсты, и чёрствый хлеб, – случилось то же самое (Пастернак, 14/VI.1922); Всё упомянутое и занесённое, дорогое и памятное стоит как поставили и самоуправничает в жизненности, как его парадоксальная Татьяна, – но тут нельзя останавливаться и надо прибавить: и ты вечно со всем этим, там, среди всего, в этом Пражском притоне или на мосту, с которого бросаются матери с незаконнорожденными, и в их именно час (Пастернак, 25/III.1926).

Все представленные выше примеры – это нагромождение множества членов (в каждой конструкции и самих конструкций), создающих эффекты «множественности», в то же время мы встречаем и эллиптированные конструкции, способствующие разговорной естественности или «порывистости речи; кроме того, эллипсис контрастно проявляет эффекты, вызываемые нагромождением конструкций, поскольку основывается на сходстве между ними. Предикативные части таких многочленов, как мы видим, соединяются посредством союзной, бессоюзной связи, а также при союзной связи – только сочинением или подчинением.

Эпистолярные тексты Пастернака, в которых наблюдаем длинные разнородные перечисления, периоды, особое пристрастие к однородным членам предложения разных типов, безличным конструкциям, представляют собой обширный материал использования парантетических внесений.

1. «*Ты мне напомнила о нашем боге, обо мне самом, о детстве, о той моей струне, которая склоняла меня всегда смотреть на роман как на учебник (ты понимаешь чего) и на лирику как на этимологию чувства (если ты про учебник не поняла)» (Пастернак, 20/III.1926);*

2. «*Твой ответ чудный, редкостный. Если мои слова о грохоте (невозможно далеком, божественно-благородном) законности кажутся тебе расходящимися с твоими последними словами о замужестве...» (Пастернак, 8/VI.1926).*

Следует отметить и парантезы, выраженные достаточно протяженными синтаксическими образованиями. Они представляют собой авторские отступления, ответвления от основной линии повествования. Содержательная значимость их может быть очень высокой. Она может превосходить значимость основной линии повествования в данном фрагменте. Именно такие парантезы оформляются именно скобками и выполняют таким образом текстос-

вязующую функцию; подобные парантетические внесения обладают предикативностью, выраженной модальностью, экспрессивной окрашенностью, четко выраженной самостоятельностью. Наконец, они способствуют поступательному движению информационного потока, обогащая содержательную и выразительную сторону высказывания:

Какая однородность связует законченную лирическую сентенцию Лермонтова с матерьяльным до бессмыслицы звучаньем иных элементов его стиха? (Лермонтова я взял потому, что при его дилетантской подчас аффектации посторонних поэзии вещей, при множестве дурных вещей, при его двойственности в деле эмоции – в одном случае истинная эмоция поэта, – в других якобы нечто большее: слабость и беспорядок «истинности», при всем этом его лирика и составляющая если не поэтическое лицо его, то звучащий, бессмертный, навеки заражающий индекс глубины). – Так вот (Пастернак, 13/VI.1926).

Исходя из представленных выше примеров мы полагаем, что парантетические внесения, оформленные скобками, указывают на взаимозависимость между этим знаком и сложностью синтаксической структуры парантезы.

В третьем разделе раскрывается метонимичность мышления поэта, создающая его «образ мира». Однако, если в поэзии Б. Пастернака исследователи отмечают богатство и многообразие метафор, то в прозе господствует метонимический принцип, в центре которого ассоциация по смежности (Р. Якобсон).

Первое лицо отодвигается у Пастернака на задний план, но это лишь иллюзорное ощущение, на самом деле лирический герой здесь. Его присутствие стало метонимическим – он словно существует между текстом и читателем. В пастернаковской прозе (как и в поэзии) образы внешнего окружения оказываются отброшенными метонимическими выражениями лирического «я», в его прозе антропоморфизм захватывает неодушевленные предметы: когда поэт получил отказ возлюбленной, «гора втянулась и выросла, город исхудал и почернел». Пастернак в своей переписке с Цветаевой использует различные метонимические отношения. Но предпочтительный его прием – упоминание какого-нибудь рода деятельности (или продукта деятельности) вместо самого действующего лица; какого-то состояния, выражения или свойства, присущего личности, на месте или вместо самой этой личности – и такие абстракции имеют тенденцию, развиваясь, объективироваться и приобретать автономность.

Например:

Как могло случиться, что слушая и слыша Вас неоднократно, я оплошал и разминулся с Вашей верстовой Суинберниадой (и если Вы его даже не знаете, моего кумира, – он дошел до Вас через побочные влиянья, и ему вольно в Вас ... как когда-то Байрону было вольно в Лермонтове, как России – вольно в Рильке) (14.VI.1922) – метонимический прием, раскрывающий художественную и философскую системы творчества самой Цветаевой (поэма «Версты»), сравниваемые с языковой картиной мира английского поэта А.Ч. Суинберна, а также определяющий общность творчества Байрона и Лермонтова, значимость личности Рильке для России.

Целый ряд метонимий представлен в прозе Б.Пастернака. В следующем примере представлены два вида метонимии: *Я четвертый вечер сую в пальто*

кусок мглисто-слякотной, дымно-туманной ночной Праги – от части к целому и упоминание определенного состояния, присущего личности: *Я качу к комунибудь, подвергнувшемуся в деловой очереди или в памяти, и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, Микеланджеловской раскидистости и Толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца (25/Ш.1926).*

Как раз ассоциация по смежности дает повествовательной прозе ее основной импульс: повествование движется от предмета к предмету, по соседству ли, в причинном или пространственно временном порядке, и переход от целого к части и от части к целому – только частный случай этого процесса. Такие примеры мы находим в переписке М. Цветаевой и Б. Пастернака:

Прилагаю, и ты прочти не спеша, не обманываясь формой: это не афоризмы, а подменные убежденья, может быть даже и мысли. Записал в 19-м году. Но так как эти идеи скорей неотделимые от меня, чем тяготеющие к читателю (губка и фонтан), то поворот головы и отведенность локтя чувствуются в форме выраженья, чем может быть ее и затрудняют (23/V.1926) – сущность метонимии здесь в том, что она изменяет традиционный порядок вещей, с помощью ассоциации по смежности Пастернак смешивает пространственные и временные ряды.

Следующий пример представляет метонимические отношения, которые можно определить как носитель свойства – само свойство:

Такое задалбливание, анестезирование слова встречается не раз в поэме и постоянно служит либо эквивалентом насмешки (почти высовыванье языка), либо материализацией флейтового лейтмотива. Вообще ты в этом отношении Вагнерианка, лейтмотив твой преимущественный и сознательный прием (13/VI.1926) – называя Цветаеву Вагнерианкой, Пастернак подчеркивает основное качество ее стихов – система лейтмотивов, уподобленная основному свойству оперной музыки Р. Вагнера, базирующемуся на непрерывном развертывании музыки («бесконечная музыка») и системе лейтмотивов. В метонимии соотношение между первым и вторым компонентами совершенно иное, чем в метафоре, поскольку замена прямого названия предмета или явления переносом основана на сближении несходных, в отличие от метафоры, предметов, но находящихся в причинной (временнóй, пространственной, вещественной) или другой объективной связи.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Эпистолярные тексты являются дискурсом и представляют форму реального общения. Как в любом реальном общении, в эпистолярном тексте реализуется контактоустанавливающая функция (фатическая), что является, с одной стороны, интегрирующим признаком, объединяющим все эпистолярные тексты, а с другой – дифференцирующим – отличающим эпистолярные тексты от других письменных текстов.

Контактоустанавливающая функция реализуется в каждом письме специальными единицами, представленными застывшими этикетными формулами и вводноконтактными единицами. Тип отношений между коммуникантами определяется, как правило, пресуппозицией, сохраняется в одном тексте и

влияет на языковой отбор. Выбор единиц зависит от типа установленных межличностных отношений (неофициальные – официальные).

Реализация фатики в эпистолярном тексте имеет особенности, обусловленные письменной формой: тематическая свобода ограничена фактором адресата; критериями обнаружения фатической функции в эпистолярном тексте с неофициальными отношениями служит ориентация темы на адресата, резкий тематический переход, эмоциональная коннотация, я-темы (поделиться переживаниями, рассказать об обстоятельствах своей жизни, чтобы получить поддержку в виде одобрительно-сочувственного ответного письма), информативная неполнота, восполняемая знанием ситуации или предыдущим письмом.

Наши наблюдения над перепиской М. Цветаевой и Б. Пастернака позволили выявить набор иллокутивных актов, характерных для эпистолярного стиля писателей. Это такие репрезентативы, как сообщение, признание, исповедь, жалоба, опасение, оценка, сожаление; директивы – просьба, совет, рекомендация, поручение; экспрессивы – благодарность, извинение, комиссив – обещание.

Несмотря на то, что в основном письма поэтов соответствуют традиции эпистолярного стиля, среди их писем есть уникальные, неповторимые. Они особенно близки их стихотворным произведениям, имеют те же языковые особенности. Эпистолярное наследие поэтов представляет собой дополнительный интересный объект в изучении творческой манеры писателей, который содержит богатую содержательную и концептуальную информацию, так как в переписке они показывают себя не только как люди, но и как художники, и как творцы. То, что не находит своей реализации в художественном творчестве, более рельефно дается в эпистолярном тексте, так как человек остается наедине с самим собой, и это позволяет выразить себя наиболее полно, высказаться до конца.

Переписка дает возможность расшифровать то, что заложено в поэтических и прозаических произведениях, дополнить новым содержанием.

Письма Пастернака и Цветаевой – это определенная ступень последовательной творческой работы. Впечатления и мысли, которые еще недостаточно «отстоялись» для передачи в художественном тексте, фиксировались в письмах.

Часто в стихах и прозе возникают не только те же темы, но и буквально совпадающие образы, метафоры, синтаксические конструкции, словесные обороты. В письмах складывается и получает теоретическое обоснование творческая и эстетическая концепция автора, прежде чем находит отражение в творчестве или статьях об искусстве.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

I. Статья, опубликованная в журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. Эпистолярные тексты М. Цветаевой – проявление лингвистической креативности элитарной языковой личности // Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена. Выпуск № 12 (86). СПб., 2008. – С.248-253 (0,36 п.л.).

II. Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. Письма – эксклюзивный стиль общения между языковыми личностями // Языковые и культурные контакты различных народов / Материалы Международной научно-методической конференции. Пенза, 2005. – С. 247-249 (0,2 п.л.).

3. Аспекты превращения индивида в языковую личность // Коммуникативно-прагматическая лингвистика / Труды кафедры теории и истории русского языка Даггоспедуниверситета. Махачкала: ДГПУ, 2005. – С. 64-67 (0,23 п.л.).

4. Привнесение в текст индивидуально-авторского мировидения // Проблемы прикладной лингвистики / Материалы Международной научно-практической конференции. Пенза, 2005. – С. 239-241 (0,2 п.л.).

5. Категории фактора элитарной языковой личности (Б. Пастернак) // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе / Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2007. - С. 21-22 (0, 15 п.л.).

6. Эпистолярный текст – отражение особенностей языковой личности //Проблемы славянской культуры и цивилизации / Материалы IX международной научно-методической конференции. Уссурийск, 2007. – С. 127-128 (0,2 п.л.).

7. Эпистолярная проза М.Цветаевой – продолжение ее поэтического языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Выпуск № 2. Махачкала, 2008. – С. 62-66 (0,32 п.л.).

Подписано в печать 14.05.09. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 1,2. Тираж 100 экз.

Типография ИПЭ РД, г. Махачкала, Дахадаева, 21.
тел. 8-988-223-22-64, 8-903-477-55-64